2. Қамзабекұлы Д. Алаш арқауы (зерттеу мақалалар). – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2017. – 408 б.
3. Әлмұханова Р. Халел басқарған «Талап» қоғамы // Ақиқат. – №3. – 1998. – Б. 62-64.
4. Селкебаева А.Т. Қазақ АКСР Халық ағарту комиссариаты жанындағы Қазақстанды зерттеу қоғамы: құрылуы мен қызметінің тарихы (1920-1936 жж.). Тар.ғыл.канд. ... дис. – Алматы, 2007. – 147 б.
5. Косанбаев С.К. Формирование и развитие казахской этнографической науки в 1918 - 1924 гг. // URL: ia-centr.ru 2008, ноябрь 15.
6. Асанова С.А. Большевизм и казахская культура // Collection of materials of the International scientific conference «History of Kazakhstan: Innovation Concepts and Periodization as a Priority of Scientific Knowledge». – Алматы: «Елтаным», 2013. – С. 351-355.
7. Шотбакова Л.К., Бейсенбекова Н.А., Смагулова Г.М., Попов Ю.Г. Из истории становления и развития отечественного краеведения // Вестник КарГУ. – 3(87). – 2017. – С. 45-52.
8. Чиликова Е.В. Краеведение Казахстана: к истории изучения // Материалы Межд. науч.-практ. конф. «История Казахстана: инновационные концепции и периодизация как приоритет научного познания». – Алматы: «Елтаным», 2013. – С. 355-362.
9. ЦГА РК (Центральный Государственный архив Республики Казахстан) Ф. 693. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
10. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.
11. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 20. Л. 73.
12. Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. – Алма-Ата: Казахстан, – 168 с.
13. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
14. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 15. Л. 29.
15. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
16. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 20. Лл. 31, 31 об.
17. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
18. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.
19. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
20. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
21. Досмұхамедұлы Х. Таңдамалы. – Алматы: Ана тілі, 1998. – 384 б.
22. ЦГА РК Ф. 693. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

Упоров И.В.

Организационно-правовые меры по усилению режима в трудовых колониях для несовершеннолетних в конце 1930-х гг.

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-336

Аннотация

Раскрываются содержание и основания для усиления режимных требований применительно к несовершеннолетним преступникам, отбывавшим наказание в виде лишения в трудовых колониях, в конце 1930-х гг. Анализируются несколько приказов НКВД СССР, изданных по результатам проверки деятельности администрации нескольких трудовых колоний. Отмечается, что во всех случаях была дана неудовлетворительная оценка, а выявленные недостатки стали одной из причин массовых беспорядков среди несовершеннолетними осужденным, что и послужило поводом для проверок. В результате было решено создать трудовые колонии закрытого типа.

Ключевые слова: трудовая колония, несовершеннолетние преступники, массовые беспорядки, репрессии, режим.

Abstract

The article reveals the content and grounds for strengthening the regime requirements in relation to juvenile criminals who were punished in the form of deprivation in labor colonies at the end of the 1930s. The article analyzes several orders of the NKVD of the USSR, issued based on the results of checking the activities of the administration of several labor colonies. It is noted that in all cases an unsatisfactory assessment was given, and the

identified shortcomings became one of the reasons for the riots among convicted minors, which was the reason for the checks. As a result, it was decided to create closed-type labor colonies.

Key words: labor colony, juvenile criminals, riots, repression, regime.

В первой половине 1930-х гг. в советском государстве уже была выстроена административно-командная система управления обществом, что наиболее наглядно находило отражение в правоохранительной сфере. Так, в 1934 г. был создан могущественный НКВД СССР во главе с первым руководителем Г.Я. Ягодой. В системе НКВД СССР было создано Особое совещание, в это ведомство входили такие главки, как печальной известный ГУЛАГ, управлявший всей системой исправительно-трудовых лагерей и колоний, а также ГУГБ (Главное управление государственной безопасности). Во второй половине 1930-х гг., как известно, были расширены политические репрессии, что объяснялось прежде всего активизацией антисоветской деятельности «классовых врагов». В рамках этой же тенденции более жесткий режим устанавливался в местах лишения свободы во второй половине 1930-х гг., в частности, с 1938 г. исправительно-трудовые лагеря и колонии должны были обноситься забором с рядами колючей проволоки и часовыми на вышках, и тем самым приобрели вид, привычный в последующие годы.

Следует также заметить, что это происходило в основном посредством ведомственных приказов НКВД СССР и ГУЛАГА, обладавшего в этой части значительной самостоятельностью, хотя формально действовал принятый еще в 1933 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, предусматривавший относительно более мягкие условия содержания заключенных, и его игнорирование также является показательным фактом. Эта тенденция не обошла стороной и трудовые колонии, предназначенные для отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетних преступников, однако, как будет показано, здесь ситуация складывалась не столь прямолинейно, если иметь в виду полиическую составляющую. Рассмотрим некоторые аспекты подробнее на нескольких примерах. Так, 1 апреля 1939 г. был издан Приказ народного комиссара внутренних дел СССР «О результатах расследования беспорядков, имевших место в Осташковской, Валуйской и Чепецкой трудколониях НКВД (для несовершеннолетних)» [1].

Этот акт содержал критические замечания по поводу упущений в части ослабления режима содержания несовершеннолетних осужденных, которые в ведомственных документах чаще всего именовались «воспитанниками». Отмечалось, в частности, что в последние месяцы в некоторых трудовых колониях произошли массовые беспорядки среди воспитанников. Приказ оценивал деятельность администрации трудовых колоний довольно жестко: «полный развал работы в этих колониях, невыполнения ими приказов НКВД СССР и директив ОТК Центра по комплектованию, правильной организации производственной, учебной и политико-воспитательной работы в колониях» [1, л.209]. И далее назывались более конкретные причины, приведшие к массовым беспорядкам. Так, в отношении Осташковской трудколонии (дислоцировалась в Калининской области) приказ определял следующие причины: 1) длительное содержание в колонии более ста воспитанников, не нуждающихся в режиме колонии и подлежащих выводу на трудоустройство, передаче к родным или переводу общие места заключения; 2) отсутствие элементарных культурно-бытовых условий для воспитанников: в общежитиях антисанитария, большой недостаток одежды, обуви и постельных принадлежностей, отсутствие в спальнях питьевой воды, неработающие кружки художественной самодеятельности не работали; 3) отсутствие массовой работы: не проводились собрания воспитанников по несколько месяцев, работа общественных комиссий воспитанников заброшена [1, л. 209].

Несколько иной акцент был сделан в отношении Валуйской трудколонии (была дислоцирована в Курской области): 1) несвоевременный вывод из колонии судимых переростков, которые и становились организаторами массовых беспорядков; 2) плохое бытовое обслуживание воспитанников: в общежитиях грязно, мытье воспитанников в бане не производилось в течение полутора месяцев, многие не имели одежды, обуви и были лишены возможности посещать производство и школу, питание в столовой недоброкачественное; 3) подмена политико-воспитательной работы «массовой репрессией» и администрированием, путем помещения воспитанников в штрафной изолятор за незначительные проступки и даже отсутствия проступков - за жалобы на плохое питание и бытовые условия, при этом в изоляторе койки и постельные принадлежности отсутствовали, помещения не отапливались; 4) имели место случаи избиения воспитанников работниками охраны; 5) некоторые руководящие работники колонии «наплевательски» относились и к больным воспитанникам; 6) культурно-массовая работа с воспитанниками почти не проводилась [1, л. 209-210].

Что касается Чепецкой трудколонии (была дислоцирована в Кировской области), то в приказе указывалась: 1) несмотря на зимнее время и сильные морозы, воспитанники не были обеспечены необходимой одеждой и обувью, ввиду холода в общежитиях воспитанники переселились в сушилку, баню, котельную и другие помещения, в которых, будучи предоставлены сами себе, занимались картежной игрой, пьянством и воровством; 2) медицинское обслуживание воспитанников не организовано, поэтому из них почти треть от общего числа больны чесоткой и экземой, в общежитиях антисанитария, у большинства воспитанников нет постельных принадлежностей; 3) питание воспитанников неудовлетворительное, столовая посудой не обеспечена; 4) по причинам отсутствия одежды и обуви посещало производство только 40-50%, а школу - 35-40% от общего числа воспитанников; 5) воспитательная работа с воспитанниками совершенно не проводилась, библиотека не работала, а имеющиеся в ней книги были наглухо заколочены гвоздями в шкаф, кружки и общественные комиссии воспитанников также не работали. На 17 февраля 1939 г. на 246 чел. воспитанников - 100 человек являлись переростками и большинство из них подлежало выводу из колонии, но этого сделано не было [1, л. 210].

Как отмечается в приказе, в результате произошедших массовых беспорядков («дебоша») воспитанников была уничтожена и испорчена часть инвентаря и имущества, разгромлены отдельные помещения, расхищены склады и магазины на десятки тысяч рублей. И далее указывалось: «Такие недопустимые явления могли иметь место вследствие того, что руководители названных колоний вместо упорной и настойчивой работы по осуществлению задач, вытекающих из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», своим бездействием, а иногда издевательским отношением к детям довели колонии до развала, до явлений массовых беспорядков воспитанников. Мало того, руководство этих колоний ... представляя заведомо ложные сведения о состоянии колонии, создавая видимость благополучия» [1, л. 210об]. Управлениями НКВД Курской, Калининской и Кировской областей к прямым виновникам приняли соответствующие меры, а некоторые из них были преданы суду.

С учетом этого нарком приказал начальникам НКВД/УНКВД республик, краев и областей обеспечить: «а) Систематический контроль и правильную постановку оперативно-чекистской работы в трудколониях в соответствии с возложенными на них задачами. б) Проверку кадров трудколоний и очищение их от чуждых и уголовных элементов, укрепив колонии опытными и проверенными работниками. в) В соответствии с приказами и директивами НКВД СССР вывести в общие места заключения воспитанников-переростков. г) Помощь колониям в создании необходимых культурно-бытовых условий для воспитанников. д) Осуществление мероприятий для полного вовлечения воспитанников в трудовую деятельность, ликвидацию прогулов и

укрепление общей дисциплины в трудколониях». Кроме того, предписывалось «создать комиссии по проверке состояния и оказания практической помощи в работе Усманской, Саратовской, Атланской, Юхтинской, Кировской, Андреевской и Южской колоний». Следовало также: «а) Выделить необходимые средства для укрепления материального положения Чепецкой трудколонии и командировать в эту колонию ответственного для налаживания производственной деятельности и снабжения колонии. б) Одновременно командировать опытных работников из аппарата ОТК Центра для проверки состояния и оказания практической помощи Уфимской, Ульяновской, Ташкентской и Избаскентской колониям». Как обычно в такого рода документах, нарком предупреждал управляющих трудколониями, их заместителей по оперчасти, учебно-воспитательной части и начальников ОТК НКВД/УНКВД об их персональной ответственности за политико-моральное состояние воспитанников, за полную и своевременную ликвидацию причин, вызывающих эксцессы среди воспитанников, а также за систематическую и правильную информацию ОТК Центра о действительном положении колоний, и что виновные в нарушении этого будут привлекаться к строжайшей ответственности, вплоть до отдачи под суд» [1, л. 210об].

Учитывая факты массового неповиновения несовершеннолетних в местах лишения свободы, было принято решение создать, помимо трудовых колоний закрытого типа, специальные изоляторы для несовершеннолетних, представляющих наибольшую общественную опасность, и изоляция которых в штрафных изоляторах трудовых представлялась недостаточной. И уже 16 июля 1939 г. был издан Приказ наркома внутренних дел СССР [2], в котором указывалось, что изолятор создается в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31/V-35 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Изолятор является детским учреждением закрытого типа со строгим режимом. Указывалась цель создания этого вида лишения свободы: на основе развертывания учебно-воспитательной, производственной и политико-массовой работы привить каждому воспитаннику навыки дисциплины, труда и культурно-бытовые навыки. В изолятор принимались с санкции прокурора дети в возрасте от 12 до 16 лет, имевшие срок наказания по приговорам Нарсудов: а) бежавшие из трудколоний, б) злостные дезорганизаторы режима трудколоний, в отношении которых были исчерпаны все меры воздействия в условиях открытых трудколоний, в) осужденные Нарсудами с отбытием меры наказания в трудколониях закрытого типа. Срок пребывания несовершеннолетних в изоляторе устанавливался в пределах 6 месяцев [2, л. 238-239]. В случае необходимости срок пребывания мог быть продлен постановлением, санкционированным прокурором.

В ряду такого рода мер следует назвать и Приказ народного комиссара внутренних дел СССР «С объявлением Положения о военизированной охране закрытых трудколоний НКВД несовершеннолетних» от 14 марта 1938 г. [3] Здесь, в частности, указывалось, что на военизированную и пожарную охрану закрытых трудовых колоний НКВД СССР для несовершеннолетних возлагаются следующие задачи: а) предотвращение побегов несовершеннолетних правонарушителей; б) охрана социалистической собственности; в) поддержание порядка на территории трудколонии; г) безопасность трудколонии в пожарном отношении. Начальник охраны трудколонии несет ответственность за политическое и моральное состояние личного состава военизированной и пожарной охраны, организацию караульной службы, безопасность трудколонии в пожарном отношении, борьбу с побегами правонарушителей, за боевое состояние военизированной и пожарной охраны [3, л. 37].

Особый интерес представляет возможность применения оружия в отношении несовершеннолетних преступников, находящихся в трудколонии. На этот счет имелся специальный раздел – «Вооружение и применение оружия», где, в частности, указывалось: «Военизированная охрана трудколонии для несовершеннолетних вооружается охотничьими одноствольными ружьями 20 калибра. Оружие выдается

стрелкам только на наружные посты на вышках и у ворот вне колонии. Имеющееся в распоряжении военизированной охраны трудколонии оружие выдается стрелкам охраны только при вступлении на посты» [3, л. 38]. Как видно, напрямую применять оружие данный документ не предписывает. Вместе с тем из сопоставления с другими нормами Положения, касающимися предотвращения побегов, можно сделать вывод о том, что в таких случаях оружие могло применяться, при этом «гуманная» составляющая была в том, что гладкоствольное оружие на порядок менее опасно, чем нарезное.

Но главное все же не в этом, а в том, что власть приняла принципиальное решение, а именно охранять несовершеннолетних преступников посредством вооруженной охраны, чего ранее не было. Как отмечается в литературе, такой подход свидетельствует о том, что расчеты власти на воспитательные меры в отношении несовершеннолетних преступников не оправдались. Подростковая преступность ожесточилась, и одной из причин, очевидно, была беспризорщина в годы революции и Гражданской войны – тогдашние брошенные на произвол судьбы малолетки подросли и пополнили криминальное сообщество с немалым багажом опыта выживания в том жестоком мире сиротства, в котором они оказались. И власть в определенной степени вынуждена была принять столь радикальное решение – по-иному она уже не могла справиться с несовершеннолетними преступниками [4, с. 144]. Тем не менее принятые меры дали свои результаты – массовые неповиновения в трудовых колониях в довоенные годы прекратились. И в этом контексте вряд ли правильно увязывать усиление режимных требований в трудовых колониях с политическими репрессиями 1930-х гг.

1. Приказ народного комиссара внутренних дел СССР от 01.04. 1939 г. «О результатах расследования беспорядков, имевших место в Осташков-ской, Валуйской и Чепецкой трудколониях НКВД (для несовершеннолет-них)» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 32. Л. 209-210 об.
2. Приказ наркома внутренних дел СССР «С объявлением Положения об изоляторах ОТК НКВД для несовершеннолетних» от 16.07. 1939 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 39. Л. 237-242.
3. Приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 049 «С объ-явлением Положения о военизированной охране закрытых трудколоний НКВД несовершеннолетних» от 14 марта 1938 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.22. Л. 37-38.
4. Трачук А.А. Организационно-правовые основы исполнения уголов-ного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних лиц в довоенный период (1917-1941 гг.): дис. ... канд. юрид. нвук. Красно-дар., 2009. 306 с.